

П. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

МОСКВА • 1939

Осенью 1939 года, 29 октября, Советская страна чтит память великого русского революционера Николая Гавриловича Чернышевского. Исполняется 50 лет со дня его смерти.

Это был замечательный человек. Социалист, последовательный революционер-демократ, защитник крестьянства, проповедник и организатор крестьянской революции. За народ он глубоко страдал умом и сердцем. Не колеблясь, с самых юных лет, за дело народа он готов был отдать свою жизнь. Он верил, что рано или поздно народ добьется себе свободы, сбросит с себя оковы всякого угнетения и рабства, перестанет работать на царя, помещиков и завоюет себе светлую, счастливую жизнь, создав социалистическое общество.

Это был человек большого ума, сильного, острого, разностороннего. Он был великим ученым, писал по самым различным вопросам — по философии, истории, политической экономии, литературе и политике. Его сочинения, какого бы вопроса они ни касались, всегда служили интересам угнетенного народа. Он умел ставить вопросы широко и глубоко, поднимаясь от обыденных, повседневных событий и дел до основных общественных задач — свержения самодержавия, уничтожения крепостного права, создания социалистического общества.

Это был человек пламенной страсти, несокрушимой энергии и воли, неустрашимый, самоотверженный, высокой нравственности, чистой, незапятнанной совести.

Чернышевский был человек, каких история рождает нечасто. Он был вождем революционеров, пользовался искренней и крепкой любовью тех, кто честно был предан делу народа. Многие старались жить и действовать так, как он учил в своих сочинениях.

Русское самодержавие, бюрократы, сановники, окружавшие царя, помещики-крепостники, конечно, ненавидели его. Как опасного человека, Чернышевского арестовали и долгие годы мучили на каторге и в ссылке в далекой Сибири.

Однажды на охоте Александр II, воспетый русским либерализмом, как «освободитель» крестьянства, спросил поэта А. Толстого, о том, что происходит в литературе. Тот ответил: «Русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского». Царь прервал его: «Прошу тебя, Толстой, не напоминать мне о Чернышевском». В другой раз он заставил замолчать приближенного своего царедворца Лорис-Меликова, который начал было говорить в пользу смягчения участи Чернышевского. Царь боялся страшного для него узника.

Имя Чернышевского было под запретом до революции 1905 года. Когда восставший пролетариат и революционное крестьянство пошатнули самодержавный порядок, тогда имя Чернышевского стало появляться в газетах и журналах, а сын его издал собрание сочинений своего знаменитого отца.

Чернышевский происходил из духовного звания. Родился он в городе Саратове 24(12) июля 1828 года в семье протоиерея. Отец его для того времени был человек образованный, понимал значение науки, держался свободных взглядов, насколько позволял духовный сан, и отличался человеколюбием. Он пристрастил мальчика к чтению, и тот с малых лет сделался «пожирателем книг». Учился Чернышевский в духовной семинарии, поражая учителей и товарищей обширностью и серьезностью знаний. Недовольный духовным образованием, он оставил семинарию и поступил осенью 1846 года в Петербургский университет. Изучал там философию, историю, политическую экономию, литературу, языки. Так как профессора не удовлетворяли пылкий ум Чернышевского, его жажду знаний, — да и учили они тому, лживость чего молодой студент почувствовал сразу, — то он много занимался самостоятельным чтением. Он владел многими языками: знал английский, французский, немецкий, польский, татарский. За-

нимался персидским, арабским, древнееврейским языками. Свободно читал и писал сочинения по-латыни, знал греческий язык.

Общественные вопросы очень рано начали волновать Чернышевского. Материал давала сама жизнь с ужасами крепостнической николаевской действительности. Его возмущала муштра солдат на плацу, которая граничила с истязанием людей; трогал его сердце измученный, голодный вид рабочих, забитость крепостных крестьян и волжских бурлаков. Возмущала его праздная, беззаботная жизнь помещиков с пирами и весельем за счет крепостного труда. В нем нарастала ненависть и стремление к борьбе с самодержавием, которое превратило русский народ, по его выражению, в «жалкую нацию», в «нацию рабов».

В университете Чернышевский изучил Гельвеция, Гольбаха, Дидро. Эти философы-материалисты XVIII века оказали огромное влияние на развитие во Франции великой буржуазной революции 1789 года, разрушившей средневековый порядок и открывшей путь капиталистического развития Европы. Изучил немецких философов — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха. Гегель был идеалист, от него Чернышевский взял только диалектику. Философия Фейербаха была материалистической. Как указал В. И. Ленин, эта философия вполне отвечала интересам революционной демократии. Она и стала основой взглядов Чернышевского. К усвоению ее он был уже подготовлен изучением французских философов-материалистов.

Философии Чернышевский придавал очень большое значение. Он полагал, что философия является основой знаний и поведения человека, что она содержит общие взгляды на мир, на общество, на человека. Эти общие взгляды и определяют решение вопросов, с которыми человек сталкивается в жизни.

В. И. Ленин в своей известной работе «Что делать?» указал, что *«роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких

предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...»¹.

Придавая громадное значение философии, Чернышевский заботился, чтобы революционная крестьянская демократия была вооружена своей теорией. Он видел, что те теории, которые господствуют в обществе, не только не помогают разрушать старый мир, основанный на рабстве, насилии, эксплуатации, но укрепляют его, в лучшем случае выправляя отдельные его недостатки, но не затрагивая его основ. О Гегеле он, например, писал, что тот «раб настоящего положения вещей, настоящего устройства общества». Чернышевский стремился выработать такую теорию, которая вооружала бы крестьянскую революционную демократию не только разрушать старый мир, но и учила бы создавать новое, социалистическое общество. Теорию и практику он считал неразрывными и указывал, что каждая теория обязательно проверяется практикой, жизнью. Если теория не служит народу, то это вредная теория, ее следует отбросить.

Философия материалиста Фейербаха прежде всего разрушала религию. Она учила, что никаких высших существ, бога, сверхъестественных сил, потустороннего мира нет; все это результат человеческой фантазии. В центре всего природа и человек. Вне этого ничего нет. Никакие философские учения, никакая религия не могут изменить мир. Они сами созданы человеком по мере того, как человек познавал и подчинял себе природу и устраивал свою общественную жизнь.

Такая философия была философией борьбы. Разрушая веру в сверхъестественные силы, якобы управлявшие миром, она призывала изучать, завоевывать природу. Человек в своем прирожденном стремлении к счастью, завоевывая блага природы, должен организовать общество так, чтобы все люди были равны и счастливы и могли удовлетворять свои потребности. Общественный порядок создан людьми; если он выгоден только для небольшой кучки привилегированных и отнимает благо у народа, он должен быть изменен, разрушен в корне самими же людьми. Эта философия учила далее, что человек, стремясь к счастливой жизни, должен строить ее так, чтобы не подрывать счастья других. Человек

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 380.

не может быть счастлив, если рядом с ним есть обездоленные, замученные.

Фейербах далее учил, что мир существует независимо от человеческой мысли, а сам человек — продукт этого мира. Бытие определяет сознание, а не наоборот. Мир не познан, но человеческому познанию мира нет границ. Познавая законы природы, законы развития мира и общества, человек находит в них опору в дальнейшем завоевании мира. Этой материалистической философии Чернышевский крепко держался до конца своей жизни. Он был глубоко убежден, что эта философия ведет к коммунизму, потому что он знал, что революционер, социалист не может не быть материалистом. Его увлекала основная мысль философии Фейербаха, что центром всего существующего является человек, что он не ограничен в своих познаниях и может сам устраивать жизнь так, как находит нужным.

Эта философия, однако, не давала возможности разрешать общественные вопросы так, как их разрешает революционный пролетариат, как их разрешала и разрешает коммунистическая партия большевиков. Фейербах брал человека вообще, как продукт природы, а не как продукт исторического развития; он не всегда учитывал, что человек существо классовое, что это и определяет его сознание. Он не смог разрешить вопроса, что надо понимать под бытием, обстоятельствами, которые определяют содержание и формы общественной жизни. Правильно утверждая, что человек должен изучать мир сообразно своим интересам, Фейербах не смог указать, как же этот мир может быть изменен.

Фейербах, как писал Энгельс, положил прочную и верную основу знания, но не создал самого знания, поскольку не указал, «каковы же те силы, которые дали воле людей то или иное направление, каковы те исторические причины, которые отразились в головах деятелей в виде данных побуждений». «В головах людей непременно отражается все то, что побуждает их к деятельности, но *как* отражается — это зависит от обстоятельств». Фейербах в этом вопросе впадал в идеализм. Энгельс, исправляя Фейербаха, указал: «...в новейшей истории государственная воля определялась изменяющимися потребностями гражданского общества, преоблада-

нием того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и условий обмена»¹.

Недостатки философии Фейербаха объясняются не тем, что Фейербах был слабый мыслитель, а тем, что сама жизнь, сама действительность не давала еще данных для разрешения поставленных задач. Их позже разрешили Маркс и Энгельс. Несмотря на серьезные и глубокие недостатки, философия Фейербаха в домарксовский период была самой революционной. Недостатки философии Фейербаха, естественно, сказались и на взглядах Чернышевского. Великий русский демократ, как и немецкий философ-материалист, в разрешении общественных вопросов нередко оставлял материалистическую философию или проводил ее непоследовательно. Чернышевский, отражая в своих сочинениях историческую ограниченность философии Фейербаха, временами возвышался над ней. Разрешая конкретные исторические вопросы, Чернышевский брал человека классового, он подходил к диалектическому материализму, основателями которого были Маркс и Энгельс.

Усвоив от Гегеля диалектику, Чернышевский очень хорошо понимал, что происходит «вечная смена форм»: одно отмирает, заменяется новым. Он требовал, чтобы человек не успокаивался, достигнув положительных данных при изучении предмета, а искал в предмете противоположностей, учитывая, в каком направлении эти противоположные силы развиваются. Само развитие «зависит от обстоятельств, от условий места и времени», а не от разных научных систем, до которых дошли люди. Он учил, что «отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна, то есть определенное суждение можно признать только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит». Чернышевский нередко умел мастерски применять диалектику при объяснении исторических событий, но он не умел прочно слить ее со своей материалистической философией и нередко заменял диалектику отвлеченным рассуждением, обращением к разуму, к просвещению.

«Чернышевский, — писал В. И. Ленин, — не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, под-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, «Людвиг Фейербах». Соч., т. XIV, стр. 668, 669, 671.

ваться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»¹.

Сущность своих философских воззрений Чернышевский раскрыл в статье «Антропологический принцип в философии».

В университете Чернышевский изучил английских экономистов Адама Смита, Рикардо и других. В студенческие годы он познакомился и с учением о социализме Оуэна, Фурье, Сен-Симона, Луи Блана, Прудона и других. Это были социалисты-утописты, их учение не соответствовало материалистическому пониманию общественной жизни, которое выражено в научном социализме Маркса и Энгельса.

Ознакомившись с сочинением А. Смита «Богатство народов», Чернышевский сразу нашел, что его теория не отвечает интересам рабочих, народных масс. Он указал, что эта теория пользуется огромным вниманием, «как единственная теория экономических учреждений», но она отражает интересы одной лишь буржуазии. Он так и писал: «Дух ее совершенно соответствует положению среднего сословия в обществе и роду занятий. Среднее сословие составляют хозяева промышленных заведений и торговцы; потому важнейшими из экономических явлений школа Адама Смита признает расширение размера фабрик, заводов и вообще промышленных заведений, имеющих одного хозяина с толпою наемных работников, и развитие обмена»². Считая «такой характер производства неизбежным при экономическом устройстве, где производство находится под властью хозяев и купцов», Чернышевский отверг эту политическую экономию, пытаясь создать свою, которая выражала бы интересы крестьянства.

В учении о социализме Чернышевский прежде всего искал разрешения экономической стороны жизни. Он понимал, что дело не столько в том, будет или не будет конституция, а в том, чтобы «один класс не сосал кровь другого». Он требовал, чтобы система социализма была демократична. Стремясь создать такой эконо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XIII, стр. 295.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 24.

номический строй, при котором люди не имели бы необходимости враждовать между собой, Чернышевский требовал, чтобы эта система была не пустой фантазией, а вытекала из конкретных условий развития общественной жизни. Оуэна он считал гениальным, благороднейшим мыслителем, но мечтателем. Чернышевский предпочитал систему Фурье, поскольку Фурье занимался экономической стороной устройства социалистического общества. «Мы вовсе не сочувствуем, — писал в 1860 году Чернышевский, заканчивая свою статью «Июльская монархия», — той форме стремления к общественным реформам, которая называется сен-симонизмом». Сен-симонисты были «светские люди, хотевшие не терять своего щегольства, накидывая на себя мужичество. Они напоминают нам знаменитый золотой лапоть, лежащий, как говорят, на рабочем столе одного из наших миллионеров, разыгрывающего роль русского мужичка, напоминают фантастические бархатные костюмы, в которых щеголяют некоторые наши поклонники народности, имеющие с нашим народом гораздо меньше общего, нежели всякий француз или немец. Сен-симонист смешит наш рассудок своею фантастичностью, возмущает наше чувство... своими поползновениями к артистичности... Сен-симонисты были салонные герои, подвергавшиеся припадку филантропизма». Сен-симонистов, как известно, судили за безнравственность, поскольку они проповедывали и осуществляли на деле свободную любовь. Чернышевский в их поведении ничего позорящего не находил. Несмотря на отрицательное отношение к сен-симонизму, как политической теории, он все же подчеркнул, что «называя приторной ту форму, которую имело первое проявление мысли о преобразовании общества, мы, конечно, должны оценить историческую важность этого первого ее проявления. Оно важно, как признак того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый раз в этой неудовлетворительной форме».

Утопические социалисты верили в возможность убедить господствующие классы перестроить жизнь на справедливых началах; они надеялись на мирный исход борьбы, на победу добра над злом, разума над заблуждением; разуму они вообще отводили решающую роль.

Чернышевский тоже преклонялся перед разумом, не

раз преувеличивал его значение и отводил ему решающую роль в тех случаях, когда дело решали обстоятельства экономического порядка. Будучи утопическим социалистом, Чернышевский, однако, стоял выше утопистов, социалистов до Маркса.

Что это так, видно из его характеристики французского социализма сороковых годов, которую Чернышевский дал в «Очерках гоголевского периода русской литературы». Оставаясь социалистом-утопистом, он рассуждал: «В то время во Франции возникали, как противоречие бездушному и убийственному учению экономистов, новые теории национального благосостояния. Идеи, одушевлявшие новую науку, высказывались еще в фантастических формах, и предубежденным или руководящимся своекорыстными побуждениями противникам легко было, оставляя без внимания здравые и высокие основные идеи новых теоретиков и выставляя в утрированном виде мечтательные увлечения, которых вначале не избегает ни одна новая наука, осмеивать системы им ненавистные. Но под видимыми странностями и под фантастическими увлечениями скрывались в этих системах истины и глубокие и благодетельные».

Чернышевский отрицал все фантастическое, что было в этих системах. Он совершенно не верил, что трудящиеся могут разрешить дело мирно, путем морального убеждения угнетателей. Он брал в учении социалистов истины «глубокие и благодетельные»,—именно, что общество не должно быть разделено на классы, не должно быть угнетателей и угнетаемых, эксплуататоров и эксплуатируемых, что все должны равно пользоваться всеми имеющимися правами и принимать равное участие в пользовании общественными благами.

Он полагал, что социалистическое общество нельзя создать до тех пор, пока за это дело не возьмется сам народ, пока народ сам не будет «рассудительно» заботиться о своей счастливой жизни. До сих пор на исторической сцене действует авангард народа, надо, чтобы действовал народ всей массой. Чернышевский полагал, что потребуется «гигантский труд», чтобы дойти до этого, но он верил, что так именно будет.

За все это В. И. Ленин называл Чернышевского «великим русским социалистом», и даже «величайшим», а К. Маркс, читая примечания Чернышевского к экономи-

ческой работе английского ученого С. Милля «Основания политической экономии», в которых Чернышевский изложил свою социалистическую экономическую систему, писал о нем, как о «великом ученом и критике».

Все это опять свидетельствует, что Чернышевский стоял выше западно-европейских социалистов домарковского периода.

И все же Чернышевский не мог подняться до вершин научного социализма Маркса и Энгельса.

Критикой А. Смита Чернышевский дает одновременно и критику системы капиталистического хозяйства, капиталистического общества. Он пишет в своей статье «Капитал и труд»: «Успешность занятий банкира, купца и хозяина промышленного заведения зависит не от собственных его потребностей, а просто от обширности круга людей, требующих его посредничества или покупающих его произведения. Поэтому главная забота каждого из них состоит в том, чтобы расширить свой рынок. Из этого возникают два противоположных направления: с одной стороны, потребность в мирных отношениях со всеми посторонними его ремеслу людьми, нерасположение к войне, затрудняющей доступ на иностранные рынки, ведущей к коммерческим кризисам, — с другой стороны, стремление отбить покупателей у других промышленников, занимающихся тем же делом, как он, то есть в сущности замещение физической иноземной войны коммерческою междуусобною войною внутри каждого промысла... Сообразно этому, господствующая экономическая теория провозглашает владычество конкуренции, то есть заботы каждого производителя о том, чтобы подорвать других производителей... Господствующая политико-экономическая теория не видит возможности отвратить разорительную междуусобицу производителей, занимающихся одним делом. Соперничество, как орудие этой междуусобной войны, принимает между прочим форму спекуляции, которая постоянно стремится к безрассудному риску и коммерческому обману; это стремление промышленной и торговой деятельности периодически производит кризисы, в которых погибает значительная часть произведенных ценностей, и во время которых подвергается страшным страданиям масса, живущая заработной платою».

Мы не будем приводить всех рассуждений Чернышевского о капитализме. Достаточно и этих. Из них видно, что великий революционер-демократ сумел указать на весьма существенные стороны капиталистического хозяйства: конкуренцию, кризисы, ведущие к потере продуктов и к нищете широких масс. Конечно, в формулировках Чернышевского многое можно уточнить, например, о войнах и т. д., но это не изменяет того утверждения, что Чернышевский дал глубокую критику капитализма как системы хозяйства, противопоставив ему социалистическое общество, в котором в экономической области должна быть «произведена в отношениях труда к собственности перемена, соответствующая перемене, производимой в нравственной и юридической области освобождением личности». Эта перемена должна состоять в том, чтобы сам работник был и хозяином. Строя свою «теорию трудящихся», Чернышевский предусматривал организацию промышленно-земледельческих товариществ, которые субсидировало бы государство. Но тут Чернышевский становится на утопическую точку зрения. Он исходит не из учета развития капиталистического общества, а из отвлеченных соображений, и в этом отношении он впадает в противоречие с самим собою. Он понял, что в его время развитие промышленности — «главная движущая сила жизни», что это развитие «гораздо разумнее, нежели тенденция многих прошлых веков», поскольку подготавливает дальнейшую ступень развития человеческого общества. Он знал, что развитие промышленности требует свобод, развития просвещения, что развитие промышленности несовместимо с крепостным правом, что когда разовьется промышленность, прогресс будет обеспечен.

Чернышевский, несмотря на все это, надеялся перейти к социализму «...через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину», он «...не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹. Чернышевский не видел, что капиталистическая промышленность в своем развитии создает революционный класс — пролетариат, кото-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 144.

рый и является могильщиком капиталистического общества. В этом отношении Чернышевский остается социалистом-утопистом.

Чернышевский, несмотря на то, что он придавал огромное значение развитию промышленности, свою социалистическую экономику строил, исходя из соображений распределения продуктов, а не из соображений организации производства. Конечно, произведенные продукты распределяются по стране, количество их должно увеличиваться в зависимости от роста потребностей населения, в силу чего промышленность должна развиваться. Мы хорошо знаем, что социализм без развития крупной промышленности построить нельзя, поэтому пролетарская социалистическая революция так много сил и внимания и борьбы уделяет развитию и организации крупной промышленности, подчиняя распределение продуктов их наличности. Чернышевский же высчитывал, какое количество продуктов необходимо стране, и отсюда исходил в своих построениях различных сторон экономической жизни. Это также был утопический, отвлеченный подход.

Сильной стороной Чернышевского было то, — как это отметил В. И. Ленин, — что «Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹. Социализм и демократизм во времена Чернышевского были неразрывны, размежевались они позже, а тогда составляли одну линию развития страны, выступая против другой линии — реакционеров-помещиков и либералов. Чернышевский волею истории был блестящим выразителем первой линии, и в этом его неувядаемое величие.

В университете Чернышевский сблизился с Ханьковым, членом кружка петрашевцев. Руководителем кружка был Петрашевский — его именем и называет-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 144.

ся кружок. В то время это был единственный кружок, настроенный оппозиционно против существовавшего в стране порядка. Среди знакомых Чернышевского был поэт М. Михайлов, замученный потом на каторжных работах, и ряд других лиц, которые были в оппозиции к правительству и потом поплатились за это каторгой и даже жизнью.

В 1848 году, когда Чернышевский был еще студентом, в Европе разразилась революция, которая захватила Францию, Италию, Пруссию, Австрию и другие страны. Студент Чернышевский внимательно следил за событиями, всегда сочувствуя сторонникам революции и радуясь их успехам. На ходе этих событий он изучал классовую борьбу, развернувшуюся в Европе.

Материалистическая философия, учение о социализме, революционные события в Европе прочно ложились на душу юноши, разбуженного к революционной деятельности мерзостью самодержавного строя, и формировали его сознание. В двадцать лет Чернышевский был уже убежденный республиканец--демократ с глубокими симпатиями к социализму. В своем дневнике он записал в 1848 году: «Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если б только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют; и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества и царства их, и сладко умереть, а не горько, если только буду в этом убежден».

Несмотря на то, что в Европе революция была побеждена, а русское самодержавие, боясь влияния революционных идей с Запада, душило все живое в стране, революционное настроение Чернышевского не падало, а продолжало расти. Чернышевский даже выработывал план вооруженного восстания, план освобождения крестьян от крепостного рабства.

По окончании университета, в 1850 году, Чернышевский поселился в Саратове, получив должность преподавателя.

давателя русской литературы в местной гимназии. Учил он, не скрывая своих революционных взглядов.

В Саратове в то время жил историк Костомаров, около которого группировалась передовая интеллигенция города. Чернышевский сблизился с ней и скоро стал ее вдохновителем.

В Саратове весной 1853 года Чернышевский женился на дочери врача Ольге Сократовне Васильевой. Когда женился, он предупреждал невесту, что в России «скоро будет бунт», и он «будет непременно участвовать в нем». Его «не испугают ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня». Ничто его не остановит, даже сама смерть. Невеста должна была подумать о своем будущем, прежде чем решиться на такой рискованный брак.

В дневнике за 1853 год он писал: «С моей стороны было бы низостью, подлостью связывать с своей жизнью еще чью-нибудь и потому, что я не уверен в том, долго ли буду я пользоваться жизнью и свободой. У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость, бог знает насколько времени». И тут же он предупреждал: «Я не могу отказать от этого образа мыслей, потому что он лежит в моем характере, ожесточенном и недовольном ничем, что я вижу вокруг себя... Это направление во мне все более и более усиливается, делается резче, холоднее, все более и более входит в мою жизнь. Итак, я жду каждую минуту появления жандармов, как благочестивый схимник каждую минуту ждет трубы страшного суда. Кроме того, у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем». Чернышевский даже пытался определить срок крестьянского восстания. «Неудовольствие народа, — писал он, — против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять, но я думаю, скорее. А если вспыхнет, я, несмотря на свою трусость, не буду в состоянии удержаться. Я приму участие».

Провинциальная захолустная жизнь Саратова была тесна и душна для такой натуры, как Чернышевский. Он мечтал об ученой деятельности, о профессуре и в мае 1853 года уехал в Петербург готовить диссертацию, свою первую научную работу, которая дала бы ему ученую степень и открыла бы для педагогической деятельности двери университета.

Чернышевский долго думал над тем, о чем и как писать. Ему не хотелось писать о вещах, далеких от жизни. Он думал о такой ученой работе, в которой он разбил бы старый взгляд на жизнь и общество и высказал бы свои новые мысли по этим вопросам. Писать открыто, как думал начинающий ученый, было нельзя, — никто бы не принял такой работы, а автор сразу мог попасть в крепость, в Сибирь.

Чернышевский взялся разработать вопрос, на первый взгляд как будто далекий от жизни. Он задумал сказать, какое отношение существует между жизнью и искусством. Свою работу он назвал «Эстетические отношения искусства к действительности». В ней он тоже не мог прямо высказать свое мнение, не мог даже упомянуть Фейербаха, а тем более изложить его философию, потому что Фейербах считался философом крамольным. Пришлось писать так, что о многом читатель сам должен был догадываться.

Чернышевский в своей диссертации доказывал, что искусство ниже жизни, что искусство не может заменить жизнь. Те, которые зовут людей от мрачной и жестокой жизни укрыться в область искусства и погрузиться в наслаждение красотой в искусстве, отвлекают людей от борьбы за лучшую жизнь, лишают их активности и через то поддерживают существующий порядок. Чернышевский учил, что искусство является только копией действительности, содержание его определяется содержанием жизни. Если действительность не удовлетворяет человека, он должен начать борьбу за иную, лучшую жизнь, а не погружаться в искусство, ища там успокоения. Это была точка зрения, которая звала людей на общественную борьбу, делала их активными.

Отражая действительность правдиво, искренне, ис-

искусство не может ограничиться внешним описанием тех или иных фактов и направлений общественной жизни, как фотография. Искусство должно проникнуть в сущность предмета, показать, откуда и как то или иное явление произошло, как оно развивается и к чему приведет в будущем. Искусство не только воспроизводит факт, оно должно оценить факт жизни и произнести ему приговор.

Одновременно Чернышевский показал, что различные группы имеют свое классовое понимание красоты. Крестьянин, например, считает женщину красивой, если она физически сильна и крепка. Это понимание сложилось у него в ходе трудовой хозяйственной жизни. Аристократ, пресыщенный жизнью, считающий труд для себя позором, наоборот, предпочитает женщину изнеженную, с бледноватым цветом лица, с маленькими ручками и ножками. Он относится отрицательно к здоровому вкусу народа.

Этой своей научной работой Чернышевский разбивал старую эстетику, старое учение о красоте, как о чем-то возвышенном, особенном, вечном, навсегда установленном. Он учил, что возвышенна жизнь и самое возвышенное в ней — человек. Возвышенным в искусстве является не предмет, которым искусство занимается, а то, как этот предмет показан, какой мыслью данное произведение искусства проникнуто. Если оно служит народу, оно возвышенно, если служит классу угнетателей и эксплуататоров, оно никак не может быть возвышенным.

Разные общественные классы по-разному расценивают жизненные события. Чернышевский подходил к ним со своей классовой точки зрения, как революционный крестьянский демократ.

Когда с диссертацией познакомились профессора, они сразу почувствовали, что это не обычная ученая работа, а манифест нового взгляда на жизнь, манифест, который зовет к революции, является проповедью материализма, разрушает религию, мораль, существующие общественные отношения. Так на самом деле и было. Вокруг диссертации завязалась борьба. Весной 1855 года молодой Чернышевский блестяще защитил свою работу, вызвав сочувствие молодежи, присутствующей при защите.

Эта диссертация оказала громадное влияние на развитие общественного сознания в России. Это работа исключительной ценности. В ней заложены основы общественных взглядов революционной демократии.

Должности профессора Чернышевский не получил. Свою деятельность он развернул как писатель в журнале «Современник», который издавал поэт Некрасов. Это был самый передовой журнал в то время, в нем сотрудничали лучшие писатели: Тургенев, Фет, Анненков, Лев Толстой и другие. Чернышевский начал писать в журнале в 1854 году и скоро стал соредактором Некрасова, заняв в журнале руководящее положение, придав журналу выдержанное революционно-демократическое направление. Статьи Чернышевского производили сильное впечатление. Они всегда были идеологически заострены и убедительны. Их ждали, ими зачитывались.

Годы (1855—1862), в которые развернулась литературно-революционная деятельность Чернышевского, были временем, когда страна переживала большое возбуждение. Была проиграна крымская кампания. Война показала, что старый крепостнический порядок сгнил, что долгие оставаться при нем нельзя. Он привел бы Россию к гибели, сделав ее страной наиболее отсталой, слабой и целиком зависимой от Западной Европы. Все искали выхода из положения.

Само правительство заговорило о реформах, об отмене крепостного права. Оно боялось крестьянских восстаний, которые перед так называемым освобождением крестьян учащались и принимали грозный характер. Николай I признал, что «крепостное право причиной тому, что у нас нет промышленности». Александр II заговорил уже о том, что «лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу». Самодержавие и помещики естественно старались провести крестьянскую реформу в своих классовых интересах. Они старались, чтобы освободить крестьян без земли.

Иные, более прогрессивные, мечтали о созыве Земской думы. Либералы мечтали о конституции. Тайное политическое общество «Великорусс», боясь крестьянских восстаний, призывало образованное общество взять власть из рук неспособного правительства. Другая, более революционная тайная организация — «Молодая Россия» — требовала федеративной республики, общественных фабрик, конфискации церковного имущества в пользу государства, прав женщине, предполагая, что все это осуществит революционная партия, став у власти.

Чернышевский сумел разобраться в этой сложной ис

торической обстановке. Он стал волею истории вождем этого времени, вождем крестьянской революции.

Характеризуя это время, В. И. Ленин писал: «Помещичья ломка старины означает насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков. Крестьянская ломка — означает конфискацию помещичьего землевладения и предоставление всей земли в распоряжение свободного фермерства из крестьян»¹.

Чернышевский сразу понял, что крестьянская реформа, проводимая правительством, есть буржуазная грабительская реформа. Ее он называл «мерзостью». Он писал: «Толкуют: освободить крестьян. Где силы на такое дело? Еще нет сил... А видите, к чему идет: станут освобождать. Что выйдет — судите сами, что выходит, когда берешься за дело, которое не можешь сделать. Испортишь дело — выйдет мерзость». Он даже говорил, пусть освобождают помещики, — пусть без земли, это даже лучше. Такое положение дела будет способствовать революционному обострению. Он понимал, что осуществить действительную крестьянскую реформу могут только сами крестьяне и притом революционным путем. Другой революционер того времени, Герцен, поверил было царю и торопил его спасти крестьян от кровопролития, которое может произойти, если дело с реформой не разрешится или задержится.

В 1859 году в своем обращении к Герцену Чернышевский требовал, чтобы он в своем органе «Колокол» изменил тон. Он доказывал: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет!» «Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь! Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать»².

Позже, в 1861 году, в своем воззвании «Барским крестьянам» он увещевал последних, подготавливая восстание: «Так вот какое дело — надо мужикам всем промеж

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 135.

² Письмо к Герцену за подписью «Русский человек». См. книгу: «Ленин о Чернышевском», Институт Ленина, МСМХХ, XV, стр. 94—96.

себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда надо будет». «А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет, ну, тогда и пришем такое объявление, что пора, люди русские, дело доброе начинать, что во всех местах в одну пору начнется доброе дело, потому что везде народ готов и единодушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет».

В. И. Ленин очень высоко ценил Чернышевского за то, что он понял буржуазный характер реформы и разоблачил его.

В своей характеристике революционного положения того времени В. И. Ленин указывал: «И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»¹.

Чернышевский прекрасно понимал, что та организация общества, которая существует и узаконивает господство одних над другими, должна быть разрушена и заменена другой. Он понимал также и то, что переход от одного общественного строя к другому, более высокому, не совершается по одному желанию этого и сознанию несправедливости существующего строя. Чернышевский много изучал историю прошлого, следил за событиями текущей жизни в Европе, на них учился, делая соответствующие выводы.

Чернышевский понимал, что «совершение великих мировых событий не зависит ни от чьей воли, ни от какой личности». Осуществимыми надеждами он считал только те, которые вызваны самой жизнью. Понимал он и то, что действительное значение имеют только те политические программы, которые отражают развитие общества, его движение вперед. Но отсюда нельзя заключать,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 143.

что Чернышевский отрицал значение личности и сознания в историческом ходе событий. Он понимал, что личности, вызванные к жизни самой жизнью, воздействуют на эту жизнь, способствуя ее развитию или тормозя его. Он понимал, что бытие определяет сознание, но он знал, что сознание, просвещение в свою очередь воздействуют на это бытие, конечно, в определенных пределах, отведенных историей. Нередко роль сознания, просвещения Чернышевский ошибочно преувеличивал.

Чернышевский не всегда давал классовое объяснение историческим событиям, но он понимал, что в жизни идет классовая борьба, которая и определяет содержание исторической борьбы. С глубокой проницательностью он показал это при обсуждении французских, австрийских и итальянских событий в революции 1848 года. Особенно хорошо он понял классовый характер русской крестьянской реформы. Ленин назвал его за это гениальным и сказал, что «от его сочинений веет духом классовой борьбы». Что это так, достаточно прочесть его исторические статьи: «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858 г.), «Июльская монархия» (1860 г.), «Кавеньяк» (1858 г.). Среди сложных исторических событий Чернышевский всегда старался выделить основное, показывая, какие общественные классы что отстаивают и как они намечают свою тактику. О западно-европейских делах Чернышевский писал так, что читатель его рассуждения об иностранных делах легко переносил на русскую действительность, учился понимать, в чем зло своей, российской жизни, видел в статьях характеристику русского самодержавия и русского либерализма.

В своих статьях Чернышевский нападал с крайней резкостью не только на крайних реакционеров, явных врагов народа, но и на либералов, которые, много говоря о благе народа, о готовности и призванности служить ему, ничего не делали для народа, боясь революционного народа, пытаясь найти почву для соглашения с существующим режимом, во всяком случае не отрицая его, а лишь исправляя. Они вводили народ в заблуждение, отвлекали его от революционной борьбы.

Критика Чернышевским либералов была язвительной, убийственной, непримиримо резкой.

В статье «Борьба партий во Франции» Чернышевский показывает, как разворачивалась при Бурбонах борьба

партий и стоявших за ними классов. Изумительно простую и ясную характеристику Чернышевский дает либералам.

Прежде всего писатель отмечает, что «в каждую эпоху общая идея принимает особенный характер», поэтому и «французский либерализм в эпоху реставрации, самое блистательное шумное явление в истории либерализма, отличался особенностями».

Чернышевский, учитывая все эти особенности, дал либерализму следующую характеристику: «С теоретической стороны либерализм может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливою судьбою от материальной нужды: свобода — вещь очень приятная. Но либерализм понимает свободу очень узким, формальным образом. Она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения. Он не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением. Ни мне, ни вам, читатель, не запрещено обедать на золотом сервизе; к сожалению, ни у вас, ни у меня нет и, вероятно, никогда не будет средств для удовлетворения этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что ни мало не дорожу своим правом иметь золотой сервиз и готов продать это право за один рубль серебром или даже дешевле. Точно таковы для народа все те права, о которых хлопочут либералы».

И далее: «Из теоретической узости либеральных понятий о свободе, как простом отсутствии запрещения, вытекает практическое слабосилие либерализма, не имеющего прочной поддержки в массе народа, не дорожащего правами, воспользоваться которыми он не может по недостатку средств».

Либерализм Чернышевский рассматривает как систему, совершенно удовлетворявшую людей с независимыми материальными средствами и развитыми умственными потребностями. Высмеивая готовность либералов жертвовать собою для блага свободы, Чернышевский иронизирует: «Нет ничего грустнее, как видеть честных, любящих вас людей, которые лезут из кожи вон от усердия осчастливить вас тем, чего вам решительно не нужно, которые с опасностью жизни взбираются на Монблан,

чтобы принести оттуда для вашего наслаждения альпийскую розу — бедняжки! сколько истрачено денег, времени, и сколько честных шей сломано в этом заоблачном путешествии для нашего удовольствия! И не приходило в голову этим людям, что не альпийская роза, а кусок хлеба нужен вам, потому что голодному не до цветков природы или красноречия, и дивились они, и осыпали вас упреками в неблагодарности к ним, в равнодушии к вашему собственному счастью за то, что вы холодно смотрели на их подвиги и не лезли за ними через скалы и пропасти и не поддерживали их, когда они с своей заоблачной вышины падали в бездну. Жалкие слепцы, они не сообразили, что достать для вас кусок хлеба было бы им гораздо легче — не сообразили потому, что и не предполагали, будто кому-нибудь может быть нужна такая прозаическая вещь, как кусок хлеба. Жаль их потому, что почти все они сломали себе шею, почти без всякой пользы для наций, о которых хлопотали. Еще больше жаль того, что нации не всегда оставались холодны к их стремлениям, иногда обольщались красноречием и смелостью этих «передовых людей», шли вслед за ними и вслед за ними падали в пропасти».

Чтобы сильнее подчеркнуть мысль, что либералы не заслуживают доверия и за ними нельзя идти, Чернышевский в своей дальнейшей характеристике либералов отмечает, что «либералы почти всегда враждебны демократам и почти никогда не бывают радикалами». «Либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям, потому что эти сословия по своей необразованности и материальной скудости равнодушны к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно к праву свободной речи и конституционному устройству».

Мало того, либералы при первом удобном и неудобном случае идут на соглашение с существующей властью. Во французской палате либералы получили огромное большинство, и что же из этого вышло? Они стали проводить законы в интересах народа? Ничуть. «Либералы, — пишет Чернышевский, — еще недавно кричавшие о свободе, теперь единодушно подавали голоса в оправдание всех произвольных действий министерства». Либералы господствовали в палате около полутора лет, но между решениями палаты не найдется ни «одного,

сколько-нибудь ограничивающего преимущества королевской власти».

Свою мысль, что либералы не понимают и не могут понять интересов народа, что они просто чужды и даже враждебны народу, Чернышевский подкрепляет, раскрывая их политическую тактику. «Стоило королю сказать при каком-нибудь официальном приеме хоть одно мягкое слово либералу, и вся либеральная партия приходила в восторг». «Либералы хотели не падения Бурбонов, а только обращения их к либерализму, для их собственных выгод». Да и «в программе либералов не было ни одной строки, которая касалась бы средств или по крайней мере выражала бы желание улучшить положение низших классов». Описывая перипетии классовой борьбы во Франции, Чернышевский указывает, что либералы — представители среднего сословия, промышленности — это буржуазия; роялисты — представители земельной аристократии, феодалы, помещики. Король опирался то на один класс, то на другой.

Чернышевский говорит, что дела династии Бурбонов получили бы лучшее разрешение, если бы королевская власть опиралась на народ, но тут же добавляет: «В них не было сил идти по этому счастливому пути, в них не было даже способности видеть этот путь», и кончает свои рассуждения словами: «Оставим надежды ребятам, взрослому человеку неприлично ожидать виноградных гроздей на терновнике».

Прочитав такую характеристику либерализма вообще и на практике, вряд ли русский прогрессивный читатель мог поверить пустым свободолюбивым разглагольствованиям русских либералов. А это и нужно было Чернышевскому.

Из этой характеристики либерализма видно, какой ясностью, четкостью, гениальностью отличалась политическая мысль великого демократа и революционера.

В своем романе «Пролог» Чернышевский показал, что либералы враждебны народу, он называл их не иначе, как «болтуны, хвастуны и дурачье». Своей характеристикой он хотел устранить либералов от влияния на массы, твердо будучи убежден, что прогресс совершается главным образом через революции, а революции делает народ, хотя он и бывает орудием в руках других классов, как это было во французской революции в 1848 году.

В статье «Русский человек на rendez vous» (на свидании) (1858 г.) Чернышевский представил русского либерала в таком отвратительном виде: «Пока о деле нет речи, а надо только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боек; подходит дело к тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желания,—большая часть героев начинает уже колебаться и чувствовать неповоротливость в языке. Немногие, самые храбрейшие, кое-как успевают еще собрать все свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятие об их мыслях, но задумай кто-нибудь схватиться за их желания, сказать: «Вы хотите того-то и того-то: мы очень рады; начинайте же действовать, а мы вас поддержим»,—при такой реплике одна половина храбрейших героев падает в обморок, другие начинают очень грубо упрекать вас за то, что вы поставили их в неловкое положение, начинают говорить, что они не ожидали от вас таких предложений, что они совершенно теряют голову, не могут ничего сообразить, потому что «как же можно так скоро» и «притом же они честные люди», и не только честные, но и очень смирные, и не хотят подвергать вас неприятностям, и что вообще, разве можно в самом деле хлопотать обо всем, о чем говорится от нечего делать, и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено с хлопотами и неудобствами, и хорошего пока ничего не может быть, потому что, как уже сказано, они «никак не ждали и не ожидали» и проч. Таковы-то наши лучшие люди»¹.

А в упомянутом выше письме «Русского человека» к Герцену, который в то время колебался в сторону либерализма, Чернышевский писал, не стесняемый цензурными условиями: «Помещики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкивают нас надеждами на прогрессивное стремление нашего правительства». «Надежда в деле политики — золотая цепь, которую легко обратит в кандалы подающий ее». Либералы «все еще надеются мирного и безобидного для крестьян решения вопроса... Одним словом, крестьяне и либералы идут в разные стороны: крестьяне, которых помещики тираният теперь с каким-то особым ожесточением, готовы с

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 90, 91.

отчаяния взяться за топоры, а либералы проповедуют в эту пору умеренность, исторический постепенный прогресс и, кто их знает, что еще. Нет, наше положение ужасно, невыносимо и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет».

Как же может быть разрешен крестьянский вопрос и кто его может разрешить? Царь и помещики разрешают его в интересах крепостников, либералы ни на что серьезное не способны и живут в страхе перед народным движением. Очевидно, что освободить себя от крепостной зависимости крестьянство может только своими силами. Чернышевский видел, что народ забит и замучен, в данное время еще не имеет сил поднять восстание, но в нем таятся великие сокровенные силы, которые проявят себя в недалеком будущем. Во то время полагали, что революция может быть в 1862—1863 годах. Народ ни на кого не должен надеяться, кроме как только на самого себя.

Выступая защитником, ходатаем за русский народ, Чернышевский относился к этому народу иначе, чем либералы-дворяне. Лучшие из них прикрашивали мужика, говорили только о хороших сторонах его характера и быта, да и это преувеличивалось. Они относились к мужику по-барски, снисходительно. Это было отношение сверху вниз, отношение благодетеля, которому народ должен быть вечно благодарен. Чернышевский, как вождь и вдохновитель крестьянской революции, хотел знать действительные силы революции. Он разговаривал с народом и писал о нем, как равный о равном. Он не выставлял народ в лучшем виде, чем он есть на самом деле, а говорил о положительных и отрицательных сторонах его характера.

Чернышевский был убежден в том, что Россия пойдет по пути Запада. Он не восхищался положением дел на Западе, но знал, что России есть что позаимствовать в Европе. Он резко расходился с той политической мыслью, которая утверждала, что Западная Европа прогнила насквозь, что учиться России у Запада нечему, что ей предначертан свой особый путь.

Разделявшие эту точку зрения назывались славянофилами. Они мечтали, как бы вернуться к старине, к прошлому, в котором видели совершенство, все западное считая извращением основ русской жизни.

Носителем социализма на Западе Чернышевский считал рабочий класс, в России — крестьянство.

Зная, что до сих пор народные массы сами не играли самостоятельной активной политической роли, а руководились другими классами, которые победы и завоевания народных масс обращали в свою пользу, а народ попрежнему оставался ни при чем, Чернышевский твердо держался того мнения, что у крестьянства должна быть своя партия, которая отстаивала и защищала бы народные интересы против всех тех, кто угнетает и эксплуатирует народ.

Чернышевский верил, что при удаче восстания Россия превратится в трудовую республику с крестьянской властью во главе. Он был убежден, что умеренная либеральная монархия, как в Англии или Пруссии, восставшее русское крестьянство не удовлетворит.

До прихода в «Современник» (1856 г.) другого великого демократа шестидесятых годов, Добролюбова, Чернышевский вел в журнале критический отдел.

Как известно, Белинский первый начал пользоваться философией Фейербаха в своей литературно-критической деятельности, но он не мог упоминать этого имени, ни тем более излагать его учение в открытой форме. Он делал это между строк, намеками, отрывочно, бессистемно, без развернутых доказательств. Со смертью «неистового Виссариона», как прозвали Белинского за его страстный, порывистый, бурный характер, его идеи не только не получили своего дальнейшего развития, но были замалчиваемы на страницах тогдашних журналов и даже в известной мере были забыты. Тургенев, например, восхвалял Белинского, но восхвалял Белинского предшествующих периодов, Белинского тех взглядов, от которых критик потом сам отказался.

Придя в «Современник», Чернышевский прежде всего занялся восстановлением мыслей и заветов Белинского. Это он сделал в большой своей литературно-критической работе «Очерки гоголевского периода русской литературы», которые он печатал в журнале с конца 1855 года и в течение всего 1856 года.

В этой работе Чернышевский прежде всего отстаивал гоголевское направление в литературе, то есть такое на-

правление, которое показывало русскую действительность резко критически, сатирически, со смехом сквозь слезы. Для Чернышевского было важно, чтобы литература вскрывала и критически оценивала мерзость и запустение самодержавного строя. Сам Гоголь говорил: «скучно жить на этом свете, господа». Чернышевский эту глубокую мысль Гоголя развивал в революционном направлении: он доказывал, что люди рано или поздно захотят эту скучную и подлую жизнь изменить и поднимут борьбу за это.

Гоголевское направление Чернышевский считал «единственным сильным и плодотворным». Перечисляя заслуги перед обществом Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, подчеркивая их стремление служить обществу, Чернышевский отмечает: «Но ни в ком из наших великих писателей не выразалось так живо и ясно сознание своего патриотического значения, как в Гоголе. Он прямо себя считал человеком, призванным служить не искусству, а обществу, он думал о себе: «я не поэт, я гражданин»... «По нашему мнению, он имел полное право сказать слова, беспримерная гордость которых смутила в свое время самых жарких его поклонников и которых неловкость понятна и нам:

«Русь! Чего ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?»

Гоголевское направление ошибочно противопоставлялось пушкинскому. О великом русском поэте тогда было принято говорить, что он в последние годы своей жизни в силу невыносимых политических условий и условий личной жизни стал поэтом безыдейным, да и вообще в его творчестве было меньше критики, чем в творчестве Гоголя.

Чернышевский ошибочно думал, что заслуга великого русского поэта заключается исключительно в том, что он дал реализм природы и дал совершенную форму стиха, а Гоголь дал реализм общественной жизни. На самом деле Гоголь был продолжателем реалистической линии Пушкина, только в новых общественных условиях он подошел к жизни с критической точки зрения. Этого, в общем, не отрицал и Чернышевский.

Чернышевский стоял за реалистическое искусство, он боролся с романтизмом. «Критика гоголевского периода, — писал он, — обращала главное свое внимание на романтиков, как на людей, губящих жалким образом свои силы, как на людей, по заблуждению делающихся вредными для самих себя и смешными». Борьба с ними будет продолжаться до тех пор, пока люди «привыкнут смеяться над всем неестественным, как пошлым, какими бы выгодными фразами и формами ни прикрывалась его внутренняя пошлость». Романтики, недовольные жизнью, уходили в мечтания. В мечтах о высоком, о будущей жизни они находили утешение, проходя мимо действительной жизни, без всякого на нее воздействия. Реалисты, наоборот, изображая гнусность жизни, давая всему оценку, произнося всему приговор, звали к борьбе с этой действительностью, к замене ее более лучшими условиями существования.

Чернышевский воскресил в своей работе мысли Белинского. Он вписывал в «Очерки» целые страницы из статей Белинского, чтобы приобщить читателя к Белинскому, к его мыслям не в изложении, а в непосредственном высказывании самого критика. «Очерки гоголевского периода русской литературы» проникнуты теми же основными мыслями, которые определили характер его знаменитой диссертации.

Корни литературы, как и всякого искусства, Чернышевский видел в самой жизни, в действительности, и полагал, что литература при всех условиях носит общественный характер. Этот общественный характер свойственен творчеству и тех писателей-художников, которые говорят о так называемом чистом искусстве, то есть о таком искусстве, которое преследует исключительно цели красоты, ошибочно полагая, что общественные вопросы, находя в искусстве свое разрешение, снижают искусство. Общественный характер их творчества, как доказывал Чернышевский, сказывается в том, что они отвлекают внимание от жизни, от борьбы за ее совершенные формы.

Чернышевский указывал, что на протяжении всех веков литература всегда зависела от общества и всегда ему служила, хотя в разные исторические времена у разных народов по-разному. Особенно тесно было связано искусство с общественной жизнью в Греции и Риме. Там оно было украшением жизни, предметом наслаждения и

отдыха. Когда Чернышевский обращался к итальянской литературе и вспоминал ее великих писателей Данте, Ариосто и Тассо и их общественное значение, он подчеркивал, что судьбы Италии решала все же не литература, а обстоятельства экономического и политического характера.

Утверждая общественный характер литературы, Чернышевский учил, что литература не является самостоятельной силой, а зависит от самой жизни. Как выразился Добролюбов, не жизнь идет по литературе, а литература зависит от жизни. Этим, однако, Чернышевский не снижал общественного значения литературы. Наоборот, значение отдельных писателей он расценивал очень высоко. Значение в истории Байрона он ставил выше значения Наполеона, указывая, что были писатели, значение которых серьезнее значения Байрона. О Гоголе он говорил, что не было еще в мире такого писателя, который был бы так важен для народа, как важен для России Гоголь.

Придав литературе общественный характер и зная, что жизнь движется классовой борьбой, Чернышевский неизбежно должен был указать и указал, что литература была выразительницей той или другой идеи, служительницей той или другой общественной группы. Всякая литература идейна. Говоря об идейности в литературе, Чернышевский имел в виду определенную идейность, ту идейность, которая служила бы на пользу народу, на пользу крестьянской революции.

Он требовал и от писателя и от критика, чтобы они стояли на высоте современных знаний, а эту высоту измерял тем, насколько наука соответствует интересам народа. Он хотел, чтобы литература, критически изображая жизнь, содействовала свержению самодержавия, полному уничтожению крепостничества, революционному разрешению крестьянского вопроса.

Чернышевский очень хорошо разбирался в том, художественно или нет литературное произведение, видел его достоинства и недостатки, но на первое место он ставил неизменно содержание, а не форму. Он предпочитал «правильнее понимать вещи» совершенству отделки, мастерству писать. Это и заставляло его и его друга Добролюбова иногда обращать внимание на произведения слабые и незначительные в художественном отношении, но

верно отображающие ту или иную сторону действительности.

От критика Чернышевский требовал, чтобы он вскрывал воззрение писателя на жизнь, показывал, насколько верно писатель отобразил взятый им факт и какие из всего этого следуют выводы.

Характерной литературно-критической статьей Чернышевского может служить статья «Русский человек на rendez vous». Статья представляет разбор повести Тургенева «Ася». Эта поэтическая повесть не касалась «черных сторон жизни». И все же Чернышевский в своих рассуждениях пришел к политическим размышлениям и поднялся в своем обобщении до беспощадной критики либерализма.

Зная, что новая революционно-демократическая критика будет входить в жизнь с боем, что ее встретят в штыки, он требовал от нее страсти, негодования, энтузиазма. Он требовал, чтобы она не была уклончивой, половинчатой, а была ясной, живой и убежденной. Сам он в своей критической деятельности всеми этими качествами обладал в полной мере.

Из современных ему писателей Чернышевский ценил Льва Толстого, почувствовав его гениальность и предвидя его великую будущность. Очень ему нравилось, как писатель умел раскрывать душу человека, умел показывать, как человек от одного душевного состояния переходит к другому. Чернышевский видел великую заслугу писателя в том, что он учил, как надо подходить к человеку, как можно на него воздействовать. Это для революционного демократа было особенно важно.

Чернышевский приветствовал выступившего на литературную арену Салтыкова-Щедрина. Он посвятил большую статью разбору «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина. Чернышевский сочувствовал острой, бичующей сатире на действительность. Отыскивая в героях Салтыкова положительные стороны, как бы защищая их, Чернышевский указывает, что они не злодеи, а самые обыкновенные люди, такими сделали их условия общественной жизни. Этой защитой Чернышевский еще более усиливает критику самодержавно-крепостнического строя. Каков этот порядок — смотрите сами. Он превратил людей в «чудовища», и эти «чудовища» являются основой и хозяевами жизни. Вывод вытекал сам: надо

изменять эти условия, надо разрушать самодержавие и крепостничество.

Очень горячо любил и высоко ценил Чернышевский Некрасова. Поэта он знал с юных лет; поэтический талант, отданный делу народа, признавал в нем еще до прихода в «Современник». В Некрасове он видел поистине народного поэта. Некрасова упрекали в том, что его поэзия страдает отсутствием художественности. Тургенев говорил о Некрасове, что его поэзия — это «папье-маше под приправой горькой водки». Чернышевский считал, что поэтическая форма Некрасова как раз отвечает ее содержанию, имеет свою силу и выразительность. Когда Некрасов умирал, Чернышевский прислал ему из далекой Сибири прощальные слова, которые глубоко тронули и умилили поэта. Чернышевский писал А. Н. Пыпину: «Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из великих русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И, как поэт, он, конечно, выше всех русских поэтов»¹. В поэте он видел зачинателя новой литературы, отличной по содержанию и по форме от литературы дворянской.

Величайшую любовь Чернышевский проявил к критику Н. А. Добролюбову. Это был тоже гениальный человек, большого ума и большого сердца, беззаветной преданности делу народа, неограниченной самоотверженности и нравственной чистоты. Он рано умер, всего двадцати пяти лет, но сделал много.

Когда Чернышевский оценивал писателей прошлого, он подходил к ним с исторической точки зрения, производя отбор писателей и отбор из написанного ими. К числу великих писателей он относил Шекспира, Диккенса, Жорж Санд, Гюго, Лессинга, Гете, Шиллера. В отбрасываемом наследстве он находил подкрепление нового стиля, который на смену дворянской литературе несли ре-

¹ «Чернышевский в Сибири». — «Огни», т. II, стр. 200, СПб., 1912—1913 г.

волюционно-демократические писатели, в первую очередь сам Чернышевский со своим знаменитым романом «Что делать?»»

На Чернышевского нападали все: Тургенев, Достоевский, Толстой, Боткин, Фет, Герцен, Катков, Дружинин и многие другие, забытые и неведомые. Многие пытались очернить Чернышевского, утверждая, что у него нет знаний, что он крайне односторонен, недобросовестный, нахальный и вдобавок трусливый человек. Его сравнивали с Чингиз-ханом и кричали: «Караул! Режут! Разрушают основы! Торжествует анархия! Владычествует сквернословие!» Тургенев изобразил революционную демократию в своем романе «Отцы и дети» в лице Базарова. Базаров, по мнению некоторых, карикатура на Добролюбова. Лев Толстой изобразил революционную демократию или нигилистов, как звали тогда революционеров, в своей пьесе «Зараженное семейство», как людей слабоумных и нечистоплотных. Катков, редактор реакционного журнала «Русский вестник», доносил правительству, что Чернышевский — революционер.

В этой атмосфере звериной злобы и ненависти Чернышевский упорно и последовательно делал свое революционное дело — дело крестьянской демократии.

Правительство, обеспокоенное революционной деятельностью Чернышевского, решило его арестовать и искало подходящего случая. Правительство учитывало огромное общественное влияние Чернышевского, но оно учитывало также и то, что либералы — трусы, боятся революции, а потому, если и не открыто, чтобы не осрамиться, то в душе будут рады аресту вождя крестьянской революции и какого-либо серьезного протеста не проявят. Подходящим случаем оказались пожары в Петербурге в 1862 году. Причины этих пожаров до сих пор не выяснены, но в обществе поползли тогда слухи, что пожары — дело рук революционеров. Распускались слухи, что устраивают пожары люди, недовольные освобождением крестьян. Эти слухи распространяла даже печать.

На Чернышевского поступали доносы в Третье отделение не только от реакционеров, но и от либералов. Чернышевский на дом получал анонимные письма с разного рода угрозами. «Современник» прикрыли на восемь

месяцев и лишили Чернышевского возможности заниматься литературной деятельностью и влиять на общественное мнение. Чернышевский со дня на день ждал ареста. Обстановка для ареста была подходящая, а повод для ареста по несчастной оплошности дал Герцен, живший тогда в качестве эмигранта за границей. Герцен колебался между демократизмом и либерализмом, но по существу своему он был демократ. Хотя он тогда расходился с Чернышевским политически, но, видя реакционный ход реформы и репрессии со стороны правительства к печати, прислал из-за границы общему знакомому Серно-Соловьевичу письмо, в котором предлагал «Современник» издавать за границей. Письмо попало в руки жандармерии. 19(7) июля 1862 года Чернышевский был арестован и заключен в мрачный Алексеевский каземат Петропавловской крепости, ничего не зная об этом письме.

Чернышевский был уверен, что правительство не располагает данными, чтобы осудить его, но он твердо был убежден, что оно во что бы то ни стало намерено погубить его и это позорное дело осуществит. Сначала Чернышевского долго не допрашивали, затем обвинили в политических сношениях с Герценом. Но все это делалось для проволочки. Правительство в это время организовало подлог. Когда Чернышевский сидел в крепости, были составлены две докладные записки, которые скрыли от Чернышевского. Одну составил провокатор Всеволод Костомаров, другую — реакционер профессор Касторский. Оба негодяя доказывали, что литературная деятельность Чернышевского носит антиправительственный характер и что нелегальная пресса является повторением мыслей Чернышевского, высказанных им в легальной прессе, но только в более замаскированной, туманной форме.

Всеволод Костомаров был офицер из помещиков, печатал в Москве нелегальные воззвания. Когда попался, начал рассказывать полиции, что ему было известно, много присочинял, чтобы спасти себя. Затем сделался провокатором. Он указал на Чернышевского как на главное лицо среди революционеров, хотя этого и не знал, а потом принял предложение правительства подделать записку, которую якобы Чернышевский оставил у него на столе и в которой он просил при печатании воззвания «Барским крестьянам» исправить ошибки. Эта подложная

записка и имела решающее значение. Для суда она была достаточна, чтобы осудить Чернышевского.

Был найден и подкуплен пьяница с Хитрова рынка в Москве, который за двадцать пять рублей, не задумываясь, лживо показал, что видел Чернышевского у Костомарова и слышал в разговоре слова: «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Было подделано еще одно письмо Чернышевского к поэту Плещееву.

Теперь вся эта подлая история раскрыта на основе архивных материалов.

Сенаторы, разбиравшие дело Чернышевского, несомненно знали о подлоге, но, как послушным холопам царя, это не помешало им осудить Чернышевского, хотя подсудимый и привел очень веские и убедительные доказательства против возводимого на него обвинения. Почти после двухлетнего предварительного заключения 19(7) февраля 1864 года Чернышевскому был вынесен сенатом приговор: «Отставного титулярного советника Николая Чернышевского, 35 лет, за злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания «К барским крестьянам» и передачу оного для напечатания в видах распространения — лишить всех прав и состояния и сослать на каторжную работу на рудниках на 14 лет, а затем поселить в Сибири навсегда». Царь приговор утвердил, но, как иезуит и лицемер, срок каторжных работ сократил наполовину.

Революционная молодежь была глубоко возмущена этой расправой. Герцен писал в защиту Чернышевского: «Чернышевский осужден на 7 лет каторжной работы и на вечное поселение. Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение, раздула его из личностей. Она приучила правительство к убийствам военнопленных в Польше, а в России — к утверждению сентенций диких невежд сената и седых злодеев государственного совета... А тут жалкие люди, люди — трава, люди — слизняки, говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которые управляют нами... Чернышевский был выставлен вами к позорному столбу на четверть часа, а вы,

а Россия, на сколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятье вам, проклятье и, если возможно, мечь»¹.

Люди-слизняки — это либералы. Герцен имел в виду Кавелина, который оправдывал арест Чернышевского и другие репрессии правительства против революционеров, рассматривая это, как меру защиты.

В другом месте Герцен с горечью и скорбью писал: «Эту новую Россию Россия подлая показывала народу, выставляя Чернышевского на позор». Обращаясь к новой, революционной демократической России, Герцен прибавил: «Для этой новой среды хотим мы писать и прибавить наше слово дальних путешественников к тому, чему их учит Чернышевский с высоты царского столба, о чем им говорят подземные голоса из царских кладовых (то есть, тюрем, — Л.-П.), о чем денно и ночью проповедует царская крепость — наша святая обитель, наша печальная Петропавловская лавра на Неве»².

31(19) мая 1864 года над Чернышевским был совершен обряд гражданской казни.

Вот как описывает эту гнусную процедуру со слов очевидцев писатель В. Г. Короленко. О времени экзекуции было объявлено заранее в газетах. Она должна была быть на Конной площади. На середине площади стоял эшафот, помост, окрашенный черной краской. На помосте высился столб и на нем — железная цепь. Вокруг эшафота стояли солдаты с ружьями, образуя карре, затем жандармы, а между ними были расставлены городовые. «Утро было хмурое, пасмурное (шел мелкий дождь). После долгого ожидания появилась карета, въехавшая внутрь карре к эшафоту. В публике произошло легкое движение: думали, что это Н. Г. Чернышевский, но из кареты вышли и поднялись на эшафот два палача. Прошло еще несколько минут. Показалась другая карета, окруженная конными жандармами с офицером впереди. Карета эта так и не въехала в карре, и вскоре мы увидели, как на эшафот поднялся Н. Г. Чернышевский... Над затихшей площадью началось чтение приговора. Когда чтение кончилось, палач взял Н. Г. Чернышевского за плечо, подвел к столбу и просунул его руки в кольцо

¹ А. И. Герцен, Избранные сочинения, стр. 372, ГИХЛ, 1937 г.

² Там же, стр. 373—376.

цепи. Так, сложивши руки на груди, Чернышевский простоял у столба около четверти часа». Затем «палач вынул руки Чернышевского из колец цепи, поставил его на середине помоста, быстро и грубо сорвал с него шапку, бросил ее на пол, а Чернышевского принудил встать на колени; затем взял шпагу, переломил ее над головой Н. Г. и обломки бросил в разные стороны. После этого Чернышевский встал на ноги, поднял свою шапку и надел ее на голову. Палачи подхватили его под руки и свели с эшафота». Вокруг эшафота стояло много публики, около четырехсот человек. «Был простой народ, рабочее и публика прилично одетая». «Во время чтения акта Чернышевский оставался совершенно спокойным». «У позорного столба Чернышевский смотрел все время на публику, раза два-три снимая и протирая пальцами очки, смоченные дождем». Когда Чернышевского везли, из среды интеллигентной публики в карету бросали цветы¹.

1 июня (20 мая) того же года Чернышевского в сопровождении жандармов отправили в Сибирь.

Сидя в заточении в крепости, а после — в Сибири, Чернышевский думал не столько о своей судьбе, сколько о судьбах своего революционного дела. Составляя заявления и объяснения по поводу обвинения, вскрывая все махинации жандармерии и следствия, Чернышевский одновременно решил заняться литературной работой. Лишенный книг, он не мог писать научных работ, не мог он, естественно, и писать статей политического характера. Оставалась одна возможность — писать художественные произведения. Он жил надеждой, что своим романом он сумеет повлиять на революционную часть русского общества, дав ему определенные революционные взгляды и показав тип революционного борца.

В Петропавловской крепости Чернышевский написал роман «Что делать?» Мысли, которые он развивал в своих научных работах, он воплотил в этом романе в художественные образы. Цензурные чиновники не поняли содержания романа, за любовной историей они не доглядели революционно-социалистической пропаганды, роман был напечатан в 1863 году в «Современнике».

Тургенев, изображая революционеров типа Чернышев-

¹ В. Г. Короленко, Избранные сочинения, стр. 516—518, ГИХЛ, 1938 г.

ского и Добролюбова в образе Базарова в романе «Отцы и дети», наделил своего героя рядом с симпатичными чертами и такими, которые были не свойственны революционной демократии и снижали ее последовательный революционный характер. Базаров путался в противоречиях. Тургенев не знал революционной демократии, — как либералу, она была ему чужда по своему духу, наблюдал он ее со стороны. Чернышевский эту демократию знал превосходно, жил среди нее и вместе с Добролюбовым был первым и лучшим ее представителем. В противовес Базарову он вывел твердого, последовательного, не знающего сомнений и колебаний революционера Рахметова, для которого дело народа было содержанием жизни. Вне этого дела он ничего не знал, к этому делу готовился и был готов ради торжества народного дела на все жертвы.

Дав верный портрет революционной демократии, Чернышевский, насколько было возможно по цензурным условиям, да еще в заключении, хотя и в скрытом, затуманенном виде, но все же сумел показать, к чему стремятся революционеры — сбросить самодержавно-крепостнический порядок, освободить всех угнетенных и эксплуатируемых, разрушить старую мораль, старую бытовую обстановку, раскрепостить женщину и построить семью на началах добровольного соглашения, вытекающего из взаимной симпатии друг к другу. Наконец, установить разумный коллективный труд.

Роман написан увлекательно, полон жизненной бодрости, радости, с призывом жить и работать для торжества социализма. Был дан тип нового человека, образец новой жизни. Герои Чернышевского как художественные образы не являются фотографией с того или другого человека. Однако, создавая своих героев, Чернышевский все же имел в виду определенных лиц, которые и дали ему основной материал. Рисуя Рахметова, писатель имел в виду знакомого радикального саратовского помещика, пропавшего за границей, Бахметьева. Черты Веры Павловны взяты с Ольги Сократовны; Лопухов взят с доктора Бокова; Кирсанов — с известного физиолога Сеченова или с революционера Обручева, описанного в незаконченной повести «Алферьев» под именем Ильи Никитича.

Плеханов в 1889 году указал, что ни одна книга не

имела такого колоссального влияния, с тех пор как появился печатный станок, как роман «Что делать?» Действительно, роман сделался настольной книгой ряда поколений революционеров, героям романа подражали, по роману строили свою жизнь.

Талант Чернышевского, как беллетриста, сказался в том, что он сумел свои социалистические убеждения сделать стремлениями современности и приблизить их к читателю. Этот роман провел рубеж между старой и новой Россией, он провел грань между дворянской литературой и литературой революционно-демократической.

Естественно, дворянская Россия, после выхода романа в свет, встала на дыбы, завывала в злобе и бешенстве. Чернышевского сравнивали с душегубцем, поджигателем, писали о смиренных домах, исправительных заведениях. Вспоминая это время, Герцен писал: «Рев, вой, шипенье казенного свирепого патриотизма заглушают всякое человеческое слово»¹.

Под этот вой, среди этого неистовства и разгула, Чернышевского отправили в каторжные работы.

Как на воле, в крепости, так на каторге и в ссылке Чернышевский остался непримиримым врагом самодержавного режима. Он не пал духом, не смирился, был горд, мужественно, с достоинством сносил тяготы каторжника, пощады не просил, ни на что не жаловался, ни с какими просьбами к начальству не обращался, жил в полной уверенности, что рано или поздно его дело восторжествует. При встрече с одним каторжанином, который тяжело переносил свое положение, он утешал его: «Терпи, казак, атаманом будешь». Не сейчас, конечно, а в будущем, далеком будущем; не мы, так дети наши или внуки... атаманами будут не всегда генералы с регалиями, а явятся атаманы великого ума, убеждения, непреклонного желания в другую сторону, поверх всей настоящей жизни. Натурально за такими сила и будущее, а откуда они? Из простого неграмотного народа — вся сила в народе... Мы с вами малюсенькие, нам и посидеть не грешно: посидим, посидим и выпустят — дело верное»².

¹ А. И. Герцен, Избранные сочинения, стр. 373, ГИХЛ, 1937 г.

² В. Кокосов, «Рассказы о Кавказской каторге», стр. 305—308, СПб., 1907 г.

На каторге он был не раб, а пленный вождь. В Сибири он готовился к будущей роли, живя верой, что и «на нашей стороне будет праздник».

В Сибири, как и в Петропавловской крепости, он не мог заниматься учеными трудами, не было нужных книг. Чернышевский опять начал писать художественные произведения, беллетристику. Большинство из написанного до нас не дошло. В Сибири Чернышевский задумал написать серию романов, объединенных общностью содержания: «Пролог Пролога», «Дневник Левицкого» и «Пролог». До нас дошел только незаконченный первый роман и отрывки из «Дневника Левицкого».

Дошедшее было напечатано в семидесятые годы за границей, под заглавием «Пролог». Это — замечательные страницы, которые с изумительной яркостью рисуют состояние тогдашнего общества и дают верную оценку происходившего. Как и в «Что делать?», Чернышевский, создавая своих героев, имел в виду определенных лиц. Граф Чаплин — Муравьев-Вешатель, отличившийся при усмирении польского восстания 1863 года. Это — «мясник», с «коровьим бессмыслием», существо «совершенно бесчувственное», лицо его имеет «скотское выражение». Соколовский — революционер Сераковский — знакомый Чернышевского, о котором упоминал Герцен, человек с железной волей, преданный делу народа, убежденный, умный, красноречивый. Рязанцев — подлый либерал Кавелин, который оправдывал арест Чернышевского, важный, солидный, очарователь своими речами, любезный, сознающий себя двигателем развития общества, но фактически мало что знающий и делающий. Волгин — сам Чернышевский, представитель «ужасных» мнений русского народа, не понимающего ничего, кроме мужицкого равенства, и готового драться за коммунистическое общество. Левицкий — это друг Чернышевского Добролюбов, о котором мы говорили выше.

Чернышевский не равнял себя с великими писателями. Он скромно говорил, что у него талант небольшой, но достаточный для того, чтобы его романы имели успех.

Срок каторги Чернышевского, благодаря манифесту, должен был кончиться в 1868 году. Но в этот срок его не освободили. Чернышевский решил, что правительство

не хочет его амнистировать. Он гордо досиживал свой срок по суду, полагая, что когда выпустят, он поселится ближе к России. Но правительство не освободило его и в законный срок. Из Петербурга пришло секретное распоряжение поселить Чернышевского в Вилуйске, куда он и был отправлен в январе 1872 года.

Вилуйск — маленький городишко, заброшенный далеко за Якутском, за семьсот верст, жителей в нем было тогда всего четыреста человек. Жил Чернышевский в некультурной обстановке, при полной оторванности от внешнего мира, без достаточного количества книг, впроголодь, в суровом климате. Тяжела была эта жизнь. Чернышевский жил в тюрьме, камера у него была сырая, холодная. Днем он имел право ходить в город, но за ним всегда следовали жандармы, на ночь его запирали на замок. Правительство страшно боялось, как бы Чернышевский не убежал, не был освобожден кем-либо из друзей и переправлен за границу, чтобы оттуда руководить революционным движением. В таком положении Чернышевский прожил двенадцать лет. И в этих условиях он сохранил свой ум, силу и остроту своей мысли, свою гордость пленника.

Друзья пытались освободить Чернышевского, но эти попытки кончились провалом, неудачей. Пытались освободить его известный революционер Герман Лопатин в 1872 году и другой известный революционер Ипполит Мышкин в 1875 году. Последний, под видом жандармского офицера с предписанием о Чернышевском, добрался до самого Вилуйска, но был раскрыт, узан и арестован. Это в свою очередь еще более усилило строгости надзора за узником.

В это время в Европе стали появляться заметки о Чернышевском, о том, как над ним измывается царь, как в отношении его не считаются с законом. Правительство вынуждено было как-либо смягчить положение Чернышевского. Прежде, чем это сделать, оно, однако, хотело опозорить пленника подписанием прошения о помиловании. Когда Чернышевскому это предложили, он гордо, спокойно и непоколебимо ответил: «Благодарю, но видите ли, в чем же я должен просить помилования. Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроена на разный манер, а об этом разве можно просить помилования?» От

подачи прощения отказался. Царская провокация провалилась.

После 1 марта 1881 года, когда революционеры, члены партии «Народная воля», убили Александра II, напуганное правительство, заигрывая с обществом, в целях умиротворения и успокоения, разрешило Чернышевскому, после двадцати лет беспримерных страданий, вернуться в Россию. Поселили его сначала в Астрахани, где он прожил с 1883 по 1889 год. Климат Астрахани был крайне неблагоприятен для Чернышевского. Он быстро разрушал сильно подорванное здоровье великого мученика. Поселили его в Астрахани не без преступного намерения — скорее свести в могилу.

В 1889 году Чернышевскому разрешили, наконец, переселиться в родной Саратов.

Все эти годы Чернышевский жил под непрерывным наблюдением шпионсв.

По возвращении в Россию Чернышевский надеялся, снова отдаться литературной деятельности. Разбитый физически, он обладал ясной головой, но надежды его на литературную работу не оправдались. А он мечтал о ней на каторжных работах и в далекой ссылке.

Восьмидесятые годы характеризуются, как годы проповеди «малых дел», культурной работы, — революционная деятельность была временно прервана. Естественно, что редакторы и издатели, выражая симпатии лично к Чернышевскому, как жертве царского беззакония и издевательства, не сочувствовали его революционным взглядам, боялись их и не давали ему серьезной работы. Ему оставалось за чужой подписью помещать статьи по случайным, второстепенным вопросам.

Поняв, что вести в печати идейную борьбу не придется, Чернышевский сокрушенно стал искать работы, чтобы иметь средства на жизнь. Выручил Чернышевского известный московский издатель Солдатенков. Он предпринял издание многотомной «Всеобщей истории» Вебера и перевод поручил Чернышевскому, тем самым обеспечив ему сносное в материальном отношении существование. Это была скучная, нудная, ненужная работа; она тяготила Чернышевского.

29 (17) октября 1889 года Чернышевский скончался от кровоизлияния в мозг. Похоронен он в Саратове. Революционная молодежь, любившая писателя, устроила ряд

демонстраций, собирала на венки средства, устраивала панихиды и посылала делегации на похороны.

Имя Чернышевского попрежнему было под запретом. И только в 1906 году, когда революционный пролетариат и революционное крестьянство нанесли серьезный удар русскому самодержавию, начало выходить первое полное собрание сочинений Чернышевского, подготовленное сыном писателя Михаилом Николаевичем Чернышевским. Это собрание сочинений все же не было полным, и печаталось оно при царской цензуре.

При советской власти предпринято новое издание сочинений Чернышевского, в которое должно войти все написанное великим демократом-революционером и притом без всяких цензурных урезок революционной мысли. Все ранее опускавшееся теперь будет восстановлено, чтобы народы Советской страны могли увидеть подлинное лицо, подлинную мысль этого гениального революционера-ученого, отдавшего за дело народа свою жизнь.

В. И. Ленин, как мы уже говорили, высоко ценил Чернышевского, как «последовательного и боевого демократа», мысль и чувства которого проникнуты духом классовой борьбы. Он отзывался о нем, не только как о величайшем социалисте-утописте, но и как о «революционном демократе», «могучая проповедь» которого, несмотря на цензурные притеснения, воспитывала «настоящих революционеров». С большим благоговением он относился к нему, как к человеку необычайной силы ума, широкой и глубокой разносторонней образованности, высокой нравственности, непоколебимой преданности крестьянской революции и бесстрашной самоотверженности. В. И. Ленин считал Чернышевского гениальным человеком, центральной фигурой России середины XIX века. В. И. Ленин неизменно называет его великим предшественником русской социал-демократии.

С величайшим уважением к Чернышевскому относились и основоположники марксизма — К. Маркс и Ф. Энгельс. Маркс называл его единственным оригинальным экономистом своего времени, которого стоит читать. Он выражал Чернышевскому «то высокое уважение, какого он заслуживает», он стыдил русских, что никто из

них не познакомил Европу с таким замечательным ученым, и говорил, что «политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы». Маркс сам намеревался писать о Чернышевском.

Историческое место Чернышевского В. И. Ленин определил совершенно точно. Он писал: «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году»¹.

Великому и гениальному ученому и революционеру Чернышевскому, предшественнику русской социал-демократии, отдавшему свою жизнь за дело народа, крестьянства, трудящиеся Советской страны приносят свое глубочайшее уважение и искреннюю любовь в день пятидесятилетия со дня его кончины.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 468.

ЧИТАТЕЛЬ!

Сообщите свой отзыв об этой
книге, указав свой возраст, проф-
ессию и адрес
Государственному Издательству
«Художественная литература»
(Массовый сектор).

Москва, Центр, ул. 25 Октября 10/2.

Редактор М. Корнев. Техн. редактор Н. И. Гарвей. Корректор М. Зевин.
Изд. № 169. Инд. X-5. Л. 33. Тираж 100 000. Формат бум. 51×82 в 1/16
л. 11/2 печ. л. 2,24 авт. л. Сдано в набор 22 сентября 1939 г. Подп. к
печ. 16 октября 1939 г. Уполномоч. Главлита А—18752 Заказ 1117.
Цена 35 коп.

Типогр. Гослитиздата, Москва, 1-й Самотечный пер., 17.